

Диагноз: актриса

Светлана Брагарник об издержках профессии

Ирина Корнеева

"Российская газета" - Федеральный выпуск №3556 от 21 августа 2004 г.

Брагарник - известная в театральных кругах фамилия. Лариса Гузеева дала однажды Светлане точную характеристику: нигде не светится, никогда не тусуется, ни с кем не выпивает, а все ее знают...

О ее работоспособности по театрам ходят легенды - она, пожалуй, единственная народная артистка в Москве, которая выдерживает режим в двадцать спектаклей в месяц и каждый играет на таком накале - как в последний раз. Плюс красивая, талантливая и притом совершенно некапризная - невероятный в актерской среде факт. Ее дважды, еще при Олеге Ефремове, приглашали перейти во МХАТ, но она предпочла остаться в Театре им. Гоголя, в котором работает и держит на себе весь репертуар уже более тридцати лет.

Наедине со всеми

- Вы никогда не жалели, что, если бы вы приняли предложение перейти во МХАТ, жизнь бы сложилась иначе?

- Если бы я пошла во МХАТ девочкой, просидела бы с вязаным чулком все тридцать лет дальнейшей жизни, сгнила бы в могучей труппе. Кто знает?

Там все решают за нас. Меня в Театре Гоголя держит репертуар. Он нарабатывается годами. Составлять новый - это сколько еще надо, а сколько их у меня еще осталось? Хоть ноешь, вот, нормальные люди домой возвращаются, а ты идешь куда-то сердце надрывать... Но ту же Сарру в "Иванове" играешь - встречаешься с замечательным человеком. Ведь счастье - общаться с человеком, с которым можно дышать полной грудью, - часто ли это в жизни удается?

- *Вы играете Констанс в "Верной жене", Аркадину в "Записных книжках Тригорина", Марлен Дитрих в "Марлене", Сарру в "Иванове"... Кого из них вы могли бы назвать своей подругой?*

- Всех. Везде я играю что-то свое. Я понимаю, что это банальные слова, но вам так все нормальные артисты скажут. Из себя персонажей вынимаем - неоткуда больше. Роль - это же не маскарад и не перемена платья. Есть такие дарования - внешне играют, и очень хорошо, но я так, к сожалению, не умею. В театральной школе не научили.

- *Со своими героинями вы ведете диалог или монолог?*

- Скорее монолог, трезвый и здоровый. Это не два я, а одно. Вообще существование актера - это его монолог с жизнью, а не с самим собою или с кем-то воображаемым вторым.

- *Этот монолог сильно меняется со временем?*

- Конечно. Когда я была молодой, мне казалось, что все друг друга любят и все друг другу добра желают. И долго я так считала. Может, так оно и было, или я другая была. А последнее время у меня ощущение, что я совсем одна. То ли это с возрастом знания умножают печали, то ли это правда... Какое раньше у меня было ощущение от театра, от товарищества, от радости, что я сейчас всех увижу, что я с этими людьми выхожу на сцену, они мне братья, - такой полный девичий восторг. Ах, мы творцы собрались, будем делать общее дело... Сейчас же я стремлюсь побыстрее остаться наедине с ролью.

- *А можно ли войти в роль счастливого человека?*

- Можно поверить в это. Был один момент, я страстно хотела сыграть счастливого человека. У меня шли подряд совершенно надрывные, мучительные роли. Я приходила со спектакля и долго-долго стояла под душем, мне казалось, вода смывает черную энергетику и отрицательные эмоции. Я играла наркоманку, сумасшедшую, которая чуть было не кончает с собой, репетировала Сарру в "Иванове" - женщину, которая умирает от туберкулеза, точнее, не от болезни, а от равнодушия человека, которого она любит. И когда я ложилась спать, думала: Господи, ну где бы мне такую идиотку голливудскую сыграть, которая пляшет, хохочет...

- Спектакль *"Записная книжка Тригорина"*, в котором вы играете Аркадину, - болезненно правдивый. О том, чем человек жертвует, чтобы заниматься любимой профессией. Чем вам приходилось платить за счастье ходить на работу с удовольствием?

- Многим... Чего уж говорить - не так выглядят счастливые женщины и не так живут. Платила иногда личным счастьем... Но этого же никто не требует - плати. Так сложилось. Актрисой вообще быть нелегко. Расшатанная нервная система, ненормальные роды, когда роль рожаешь, минуты простоя, а потом наступает момент, когда задумываешься: а кому это нужно, и не сбрасываешь ли ты свои патологические комплексы в профессию, и не занимаешься ли ты этим потому, что не очень здоровый человек?..

Три минуты на счастье

- Вы в режиссуре себя не пробовали? Хотя бы со своими студентами - вы ведь вели актерский курс?..

- Я не брала на себя грех самоутверждаться на маленьких детях, выламывать им руки своей неумелой режиссурой. Что вы, я никогда в жизни себе этого не позволю.

- Когда вы были студенткой, как вам удалось избавиться от прибалтийского акцента? Он ведь очень сильный.

- Это был даже не акцент, а жуткий говор. Он один из самых трудных. Украинский - от него вообще избавиться невозможно, и прибалтийский. Но у меня за четыре года он как-то ушел. На первом курсе никто не понимал, что я говорю. А когда я поступала в ГИТИС, отрывок читала, не выговаривая ни одной буквы русского языка, - мало того что с прибалтийским акцентом, да еще и с дефектами речи. Кончилось тем, что меня отправили к логопеду - проверить, нет ли у меня патологических изменений зева, смогут ли они меня выучить нормально разговаривать. Я говорила: "Я из Гиги", то есть из Риги. Памятник надо поставить Раевскому, что он все-таки что-то разглядел...

- Бытует мнение, что прибалты - люди самодостаточные, с очень высокой культурой одиночества.

- Сказав, что у меня есть культура одиночества, вы не ошибетесь. Не знаю, высокая ли она, и культура ли, но одинока я безусловно. Я имею в виду даже не сложившиеся условия жизни, а человеческую потребность. Я могу дня два-три с человеком находиться, но потом мне надо идти отдохнуть.

- В одиночестве приятнее мечтать - о несыгранных ролях...

- Странно, но у меня нет никакой актерской мечты. Хотелось бы только сняться в очень хорошем кино у очень хорошего режиссера. Не то чтобы мне не хватает киношной популярности, я уже кинозвездой не стану, а ролью больше - ролью меньше... Ну стоит у меня дома приз "Кинотавра" за лучшую женскую роль 92-го года - за фильм "Сатана". Поставила я его на шкаф. Думала, все будут приходить и восхищенно спрашивать: "Что это?", а я буду скромно отвечать: "Ах, да это приз "Кинотавра" за лучшую женскую роль..." А он такой страшный, что все, когда его видят, вскрикивают: "А! Боже!! Что это???"

- То есть большое художественное искусство и шумная фестивальная жизнь не совсем обошли вас стороной?

- Первое, можно сказать, все-таки пролетело мимо меня на больших крыльях. А на фестивали я ездила, ездила. Хорошо, приятно. Но я люблю

ездить работать, а не шарахаться: ой, одна звезда пошла, ой, другая. Фестивальная культура у нас еще не сформирована. Не очень естественно все там происходит. Неестественно наряженные женщины, изображающие из себя высокую светскую оскарноносную тусовку в вечерних туалетах...

- Сейчас это довольно многочисленная категория девушек, живущих по западному фестивальному протоколу - полная смена туалета три раза в день, горы чемоданов...

- Между прочим, я наблюдала за Анни Жирардо и другими западными звездами на фестивалях - они отличались поразительным демократизмом и скромностью в одежде. Наши дурочки выходят уже с утра в кружевных перчатках по плечи и судорожно пытаются в них завтракать. А Анни Жирардо я видела только в одном шелковом костюмчике, наверное, очень хорошем, но главное, удобном. На премьеру, на прием надо иметь что-то просто по протоколу. Но одежда не предмет самовыражения.

Если возвращаться к кино - сняться в очень хорошем фильме у очень хорошего режиссера сегодня - никакой популярности не заработать. Для этого надо сыграть в плохом сериале у плохого режиссера, тогда примелькаешься. А хорошее кино мало кто видит - снимись, предположим, у Германа, и тридцать лет лежи на полке. Но я хочу испытать это ощущение. Подобное у меня уже было - у Виктора Аристова. До него, будучи упертой театральной актрисой, я думала, что в кино нет места для настоящего творчества, когда у тебя душа взлетает, и ты понимаешь, что готов отдать все. Только ради того, чтобы выйти на сцену и три минуты что-то замечательно сыграть... Я считала, в кино это невозможно. Но, работая с Аристовым, эти три минуты я испытала. И чем они еще были прекрасны - на сцене они пролетели, и все, а тут их можно увидеть еще раз, и еще. В театре ведь как - сыграла, после пришла твоя соседка по гримерной, замечание какое-нибудь отпустила, и ты думаешь: ой, нет, что-то я про эти три минуты себе придумала... Мы ведь очень хрупкие. Даже самые защищенные.

Все впереди

- В сентябре в театре будут отмечать ваш юбилей. Но актрисы свой возраст обычно считают не годами, а сыгранными ролями. На сколько лет вы сами себя ощущаете?

- Внутренне совершенно не чувствую возраста. Иногда только думаю - а чего ты так веселишься? Тебе скоро все меньше и меньше будут давать ролей, на твои годы уже меньше остается репертуара, что ты все надеждой живешь? А у меня настроение, что завтра будет лучше... Хотя я не оптимистка по натуре, но как-то верю, что все еще будет. Мало того, я еще, ненормальная, думаю, ой, да я еще любовь свою настоящую встречу, она еще придет, придет... Куда?..

- Мне кажется это более чем нормальным, и потому я желаю вам и любовь свою настоящую встретить, и не растерять ощущения, что завтра будет все гораздо лучше. А главное - чтобы сегодня было все всегда хорошо.